

С.В. Соколовский

ПЕРЕПИСЬ 2002 г.: ИГРЫ ПО ВИТГЕНШТЕЙНУ

Анданте

Людвиг Витгенштейн, разрабатывая свою теорию языковых игр, не счел необходимым уделить внимание особому классу этих игр – играм бюрократическим. В конце концов его целями были профилактика и терапия философских заблуждений, а отнюдь не антропология экзотической *формы жизни*, основной принцип которой – симуляция интенсивной деятельности (при условии щедрого финансирования), дополняемая искусством возлагать ответственность на «дядю». Изучать эти формы жизни – удел антропологов, философы лишь щедро помогают им, превращая подсмотренное антропологами в стимулы для собственного «умозрения». Предлагаю стенограмму нескольких последних ходов в одном из эпизодов игры под названием «Перепись 2002 г.»

На одном из мартовских заседаний Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН рассматривался вопрос о проекте *Перечня и кодов национальностей, народностей, этнических групп и языков*, разработанный Госкомстатом и направленный в Институт Генеральным директором Российского статистического агентства с просьбой «рассмотреть... и направить замечания и предложения». Этому эпизоду предшествовала серия событий, протекавших в недрах Росстата и его Управления статистики населения, которые и привели к появлению на свет этого любопытного документа.

Аллегро

22 сентября 1999 г. правительство Российской Федерации издало постановление № 1064 «О Всероссийской переписи населения 2002 года», в соответствии с которым постановлялось:

«1) Провести с 9 по 16 октября 2002 г. Всероссийскую перепись населения по состоянию на 0 часов 9 октября 2002 г. путем опроса населения.

2) Возложить на Российское статистическое агентство организационное и методологическое руководство работами по подготовке, проведению, обработке и публикации (распространению) результатов Всероссийской переписи населения 2002 года...». Согласно графику финансирования, было запланировано выделить из средств федерального бюджета на цели подготовки и обработки материалов проведения Всероссийской переписи населения 2002 г., а также публикации ее итогов 172 млн. руб., в том числе на проведение пробной переписи населения 2000 г. – 1498,5 тыс. руб.

В соответствии с этим постановлением приказом Росстата от 11 ноября 1999 г. № 156 ответственность за выполнение работ по Всероссийской переписи населения 2002 г. в части «разработки программно-методологических и организационных положений, программ переписи населения, получения ее итогов и распространения (публикации) результатов, формирования проектов переписного инструментария, а также координации всех переписных работ и контроля за их исполнением» была возложена на начальника Управления статистики населения (УСН) И.А. Збарскую. При этом в соответствии с Планом мероприятий на 1999–2000 гг. по подготовке и проведению переписи населения 2002 г., уже в марте 2000 г. должна была осуществиться «разработка перечня национальностей, народностей и этнических групп для получения итогов пробной переписи населения», а в «I кв. 2000 г.» – «подготовка словарей национальностей и языков, занятий, отраслей экономики и видов производств, образова-

тельных учреждений». Столь жесткие сроки были обусловлены тем же сентябрьским постановлением правительства, тогдашний председатель которого В. Путин «в целях отработки организационных и методологических вопросов» распорядился «провести с 11 по 18 октября 2000 г. пробную перепись населения в районе Преображенское Восточного административного округа г. Москвы, части Красногорского района Московской области и части Фрунзенского района г. Владивостока (Приморский край) с общим охватом ориентировочно 100 тыс. человек».

Остается неизвестным, кто и как именно «отрабатывал методологические вопросы», в результате которых УСН представило пресловутый проект перечня национальностей. Известно лишь, что в соответствии с тем же графиком подготовки переписи он уже существовал в декабре 1999 г., поскольку именно к этому сроку уже была завершена «разработка основных методологических и организационных положений пробной переписи населения 2000 г. и обработки ее материалов» (ст. 1 Плана мероприятий на 1999–2000 гг.). Судя по этому же плану (ст. 17), уже в ноябре 1999 г. существовал «проект программы переписи населения», а в феврале, т.е. ко времени поступления письма Генерального директора Росстата в институт, уже всю шла «разработка проекта технологического процесса обработки материалов переписи населения и получения итогов, определение конфигурации средств вычислительной техники и программных продуктов» (ст. 35).

Скерцо

В чем же заключается ирония этой игры? В представленном ученым для рассмотрения проекте Перечня обнаружилось почти четыре десятка ошибок, подчас довольно грубых. В числе наиболее типичных – ошибки с отнесением народов к двум основным группам перечня – *«проживающие преимущественно в РФ»* и *«проживающие преимущественно в других странах»* (часть народов оказалась по недоразумению записана в «иностранцы»; у другой части народов их относительная численность в границах отечества была явно переоценена, и, как следствие, они попали в первую группу). Есть и курьезы, когда разные наименования одного и того же народа фигурируют в качестве самостоятельных народов и имеют разные кодировки. Множество ошибок содержится в графе «Название родного языка». В ряде случаев непосильной для разработчиков оказалась даже орфография этнонимов и лингвонимов.

Большой беды в этом нет, если игра происходит по правилам. В конце концов, перечень велик – почти 180 категорий, многих из которых в последних четырех переписях не было; на то и существуют специалисты, к которым и обратились с просьбой «направить замечания и предложения». Здесь важно обратить внимание на время просьбы, поскольку именно в нем таится ирония происходящего. Поезд ушел, а ремонтной бригаде предложено даже не произвести починку, а подписать акт об исправности двигателя.

Оптимистически допустим, что раскрутившийся маховик огромного и сложного механизма Всероссийской переписи удастся приостановить на профилактический ремонт, что-то там смазать и подправить и пусть крутится дальше. На это, видимо, и был расчет УСН, не посчитавшего необходимым привлечь ученых к разработке Перечня и словарей национальностей и языков на более ранних этапах. Но все дело в том, что в сложившейся ситуации вряд ли возможно устранение допущенных методологических ошибок, поскольку с избранной методологией тесно связаны уже заложенные методики и технологии обработки, разработана и утверждена форма переписных листов для пробной переписи октября 2000 г., которая будет служить основой переписи 2002 г. и т.д.

Рондо

Что в данном случае требуется от академической науки? Всего лишь символическая легитимация произведенного чиновниками «продукта». Продукт оказался, говоря словами театрального буфетчика, «второй свежести». Я совершенно согласен с

С.В. Чешко (статья которого публикуется в этом же номере журнала), усмотревшим главную проблему в *методологии* используемого в переписи подхода к определению этнического состава населения. Ученые неоднократно, еще до проведения переписи 1989 г., высказывались в пользу открытого списка народов. Эта идея в 1987–1988 гг. обстоятельно обсуждалась группой экспертов Совета по малым народам при советском Фонде культуры. Материалы дискуссий доводились до сведения чиновников Госкомстата, однако опубликованы они были лишь 5 лет спустя¹.

Следует заметить, что этим дискуссиям сопутствовал широкий экспертный опрос, охвативший специалистов (главным образом этнологов и лингвистов) из многих бывших советских республик. Во введении к сборнику, написанном тогда же, в 1988 г., когда опрос еще не был завершен, в качестве вероятного его исхода прогнозировалось, что «анализ практики этнических классификаций, как научных (этнографических, лингвистических, социологических и т.д.), так и практических (демографических, политических и др.) обнаружит их теоретическую несостоятельность и несоответствие нормам демократического общества, что заставит деконструировать задачу разработки списка, сформулировать претензии к концептуальным моделям, использованным в имеющихся списках (инструментарий проведенных в стране переписей населения), построить адекватную концептуальную модель этнической реальности»². В уже цитированной С.В. Чешко статье М.В. Крюкова отмечалось, что «последовательное осуществление принципа самоопределения этнической принадлежности при заполнении опросных бланков полностью сводится на нет процедурой разработки полученных данных, в основу которой кладется заранее составленный список народов»³.

Здесь уместно задать вопрос: каковы же цели предстоящей переписи? Разве одна из ее целей – не получение наиболее близкой к реальности картины этнического и языкового населения страны, без которой невозможно осуществление адекватной языковой и национальной политики? Раз за разом при проведении переписей систематически игнорируются бытующие формы этнического и языкового самосознания людей. Понятно, что принцип открытого списка потребует радикального изменения всей методологии сбора данных и обработки результатов переписи, однако такого рода изменения необходимы и давно назрели. Наибольшую трудность представляет кодировка потенциального разнообразия ответов на вопрос о национальности.

Не следует забывать, что средства и методы обработки за минувшие с момента проведения последней переписи 10–12 лет пережили настоящую революцию в связи с распространением компьютеров новых поколений и их резко возросшей производительностью. Вот и в Госкомстате, судя по протоколу заседания его Перечисной комиссии от 10 марта 2000 г. № 4 (помещенному на web-страницу этой организации), уже рассмотрен вопрос о возможностях использования СУБД ORACLE и ЭВМ S/390 при пробной переписи населения 2000 г. Это позволяет использовать многозначные цифровые коды для кодировки наименований языков и народов, что в свою очередь создает основу принципа открытого (т.е. не запланированного заранее) списка кодов (например, с помощью кодирования наименований по алфавитным номерам первых нескольких букв, входящих в название языка или национальности и т.п.).

Однако, как упоминалось выше (рондо принуждает к повторению темы), поезд уже ушел: методология обработки негодного инструментария уже разработана, и, стало быть, в 2000 г. мы получим в виде материалов некий плохо артикулированный конгломерат сведений, выстроенных на компромиссах между неосведомленностью чиновников, вождельствами этнократических элит, политическими устремлениями федерального Центра и научными установками середины прошлого века. И все задешево – какие-то 170 млн. руб из кармана налогоплательщиков! И это – не все. В 2004 г. чиновники Госкомстата выбросят этот товар на рынок, и все в нем нуждающиеся и просто любопытствующие граждане смогут еще раз заплатить, уже не через налоги, а из оставшихся от налогообложения личных средств за счастье пользоваться «научными фактами».

Не могу удержаться от нескольких замечаний критического характера как в адрес устроителей переписи (в широком смысле слова, а не только чиновников Госкомстата), так и в адрес моего коллеги С.В. Чешко, со значительной частью замечаний которого, впрочем, я согласен.

Первое замечание адресуется юристам и касается обеспокоенности судьбой переписи, уже прозвучавшей в публичных заявлениях главы Росстата В.Л. Соколина. В соответствии с п. 1 ст. 26 Конституции РФ, как известно, принятой в 1993 г., т.е. после проведения последней переписи 1989 г., «никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Эта же норма существует и в конституциях многих субъектов Федерации. Не получится ли так, что в ряде конфликтных регионов, где обнаруживать перед местными властями свою ответственность к той или иной этнической категории оказывается невыгодным или опасным, граждане предпочтут не отвечать на «национальный вопрос»? Правда, для таких Перечнем предусмотрена графа с кодом 300 («национальность не указана»), но не окажутся ли затраты на получение информации такого рода чрезмерными?

Остальные замечания адресуются С.В. Чешко, чья позиция в отдельных вопросах представляется мне недостаточно последовательной. В частности, я вижу противоречия в его позиции, когда, с одной стороны, он критикует «онтологический подход к пониманию этноса»⁴, а с другой – продолжает поиски некой «сущности» этнического: эссенциализм вполне гармонирует с практикой реификации понятий, однако вряд ли совместим с критикой этой практики. Равным образом невозможно, с одной стороны, поддерживать позицию, в соответствии с которой «критерием национальной принадлежности является только личное самоопределение граждан», а с другой – писать, что «что бы ни утверждали идеологи эрзянской самостоятельности, по общему признанию ученых, существует этнос *мордва*...»

Представленная им в разделе «Высокая теория и обыденная методология» весьма интересная критика антиисторизма отечественной теории этноса в некоторых своих пассажах также диссонирует как с его антионтологизаторскими симпатиями, так и с его собственными рассуждениями о политической природе этничности. Лапидарность жанра реплики в дискуссии не позволяет мне проиллюстрировать каждое из противоречий цитатами из статьи С.В. Чешко, потому я ограничусь констатацией собственной позиции по этому вопросу, в ряде существенных моментов близкой позиции моего коллеги.

С моей точки зрения, этничность всегда политизирована и не существует вне сферы политического (однако обратное – неверно). Политизация культурно-языковых различий (в отличие от политизации различий конфессиональных, сословных и локальных) произошла в истории человечества сравнительно недавно, в Новое время, причем неодновременно в разных странах и в рамках нашей собственной державы. Поэтому рассуждать о древности народов, «этногенезах» и тому подобных вещах, значит проецировать формы современного сознания в чуждые для них исторические пределы, чему вроде бы должен препятствовать профессионализм историков и антропологов с их чувствительностью к специфике иных исторических контекстов и культурных миров. «Этногенез», таким образом, по содержанию не может не совпадать с политизацией культурно-языковых различий, и именно в силу этого «этническая история» пишется как история политическая.

Что касается бытовых представлений о формах существования этнического (а обыденное сознание ничем не «отгорожено» от сознания профессионального), то здесь действует известный социологический принцип: любые, даже самые экзотические представления, сколько бы иррациональными и необоснованными они ни были, *реальны* в своих последствиях. Устойчивость «онтологических представлений» об этническом в нашей стране, как и в некоторых европейских странах, сохранивших идеологическую преемственность с упражнениями немецкого неоромантизма в духе

Гердера на темы *Blut und Boden*, поддерживается *глубокой институализацией* этих представлений. В результате мы имеем дело с особой **институциональной средой**, в которой этносы-народы мыслятся как существующие с изначальных времен, обладающие исторической родиной («почвой») и единством («кровью»). Эти представления поддерживаются всей мощью государственных институтов (национальное устройство федерации, особые статусы и режимы гражданства для национальных меньшинств и коренных народов, разветвленное законодательство в сфере национальной политики, устоявшиеся формы политического и научного дискурсов, наконец, переписи как один из важных инструментов «овеществления» этнических *представлений*).

Коль скоро институциональная среда – часть **социологической реальности**, описания *современного* существования наших обществ с позиций примордиалистских теорий этничности оказываются парадоксальным образом адекватными этой реальности. Однако их адекватность ограничивается двумя моментами – *местом* (границами институциональной среды, поддерживающей этот тип представлений, в данном случае СНГ, страны Балтии и, быть может, Финляндия и ЮАР) и *временем* – эпохой модерна. Лишь универалистские притязания «онтологизаторов» этнического, а не примордиализм сам по себе перемещают последователей этого подхода из сферы корректного, хотя и ограниченного социологического описания – в сферу идеологии, при этом метод превращается в символ веры.

Примечания

¹ Этнокогнитология: Подходы к изучению этнической идентификации, М., 1994.

² Там же. С. 5.

³ Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Сов. этнография. 1989. № 2. С. 30.

⁴ Эту критику я поддерживаю, хотя полагаю, что сам «онтологический подход» неотвратимо становится достоянием истории отечественной этнографии и сегодня представлен больше управленцами и чиновниками и теми учеными, которые находятся, скорее, в сфере воспроизводства знания, нежели его производства. Продолжать считать его «доминирующим», на мой взгляд, уже нет оснований.

S.V. Sokolovskiy. Russian Federation Census of 2002: Wittgensteinian language games

The article analyses problems related to the forthcoming All-Russia Census of the population and makes censorious remarks concerning its organizers. In addition the author enters into a controversy on a number of issues with S.V. Cheshko whose article is carried in the present issue of the Journal.

© 2000 г., ЭО, № 4

В.В. Трепавлов

ЧИСЛЕННОСТЬ КОЧЕВОГО СОЦИУМА: ИСТОЧНИКИ И СПОСОБЫ ПОДСЧЕТА

Многовековое взаимодействие оседлых и кочевых обществ протекало в самых разных формах. Мирные контакты и войны, миграции и нашествия тесно связывали земледельцев и степных скотоводов древности и средневековья. Когда современный исследователь берется за изучение этих отношений, он сталкивается с явной диспропорцией в исторических источниках. Подавляющее большинство последних посвящено истории оседлых народов. Именно в их среде развивалось летописание,